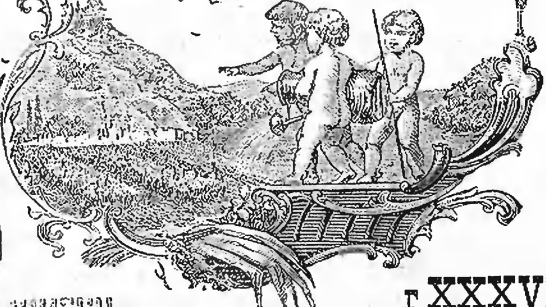

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XXXVII г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXXVII

№ 10

Выходитъ еженедѣльно (32 № въ годъ), съ приложеніемъ 40 книгъ „Сборника“, содерж. соч. М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА и Н. М. СТАНЮКОВИЧА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

1906

Выданъ 11-го марта 1906 г.

Подписная цѣна съ достав. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/1 года 2 р.

Цѣна этого № - 15 к., съ перес. 20 к.

Къ этому № прилагается: „Полнаго собранія сочиненій М. Е. Салтыкова-Щедрина“ т. 15.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1906 г. Съ приложеніемъ 40 книгъ „СБОРНИКА НИВЫ“, содержащихъ: и первая 10 книгъ полн. собр. сочиненій
М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА **К. М. СТАНЮКОВИЧА.**

Безъ достав- ки въ Петер- бургъ . . .	6 р. 50 к.	Безъ достав- ки въ Москвѣ въ конторѣ Н. Н. ПЕЧКОВСКОЙ, Петровскія линіи . . .	7 р. 25 к.	Безъ достав- ки въ Одессѣ въ кн. маг. „ОБРАЗОВАНИЕ“ Римельсенская, 12.	7 р. 50 к.	Съ достав- кою въ Пе- тербургъ . . .	7 р. 50 к.	Съ пересылкою во всѣ мѣст- ности Россіи. . .	8 р.	За гра- ницу. . .	12 р.
---	-------------------	--	-------------------	---	-------------------	--	-------------------	--	-------------	-------------------------	--------------

Предвѣчный Младенецъ. Картина Франца Циммермана. гравюра Санча.

На томъ берегу.

Новелла нашихъ дней.

П. П. Гнѣдича.

(Продолженіе)

VII.

Я не знаю, каждый ли день они такъ ужинали, только намъ таскали какихъ-то чудовищныхъ рыбъ, какихъ-то фаршированныхъ утокъ и поросятъ. Все это подавалось на серебряныхъ блюдахъ съ гербами.

— Не люблю я этой елисевичины, — сморщился Оединька, показывая на мадеру: — и вамъ не совѣтую. А начнемъ мы прямо съ редерера.

Несбитый малый въ потасканномъ сюртукѣ хлопнулъ пробкой и налилъ шампанское, съ ловкостью татарина. Барыня онъ налилъ одинъ глотокъ въ рюмку.

— Она не пьетъ, бережетъ горло, — объяснилъ хозяинъ.

— Да, я слышала, что Эмилія Павловна поетъ.

— А вотъ мы ее заставимъ послѣ ужина намъ пропѣть. Пропоешь, Миль, пропоешь, моя прелесть? Это Джонъ Стюартъ Милль! Величайшій философъ! Поди сюда, Миль!

— Ну, вотъ еще, вставать! — огрызнулась она.

— Повиновеніе, Миль! Живо!

Она бросила салфетку, встала и полухмурясь, полуулыбаясь подошла къ мужу. Онъ взялъ ее за руку, притянулъ къ себѣ, посадилъ на колѣни и, повернувшись всей пятерней ея лицо ко мнѣ, сказалъ:

— Смотрите на эту обезьяну: это чудеснѣйшая женщина въ мірѣ. Это соединеніе всего, что есть на свѣтѣ лучшаго.

Она вырвалась отъ него, ударила наотмашь ладонью по лбу, — отчего хлопнуло, будто разорвался надутый мѣшокъ, — и сказала:

— Пошелъ ты, мастодонтъ!

Онъ почесалъ себѣ лобъ и захохоталъ.

— Мы—самая счастливая пара! — сказалъ онъ. — Когда мы будемъ стары—сидѣмъ рядомъ на жердочку, какъ инсепарабли, и околѣмъ въ одинъ день.

— А я еще чарку выпью, — вдругъ додумался Дефлорье.

— Напѣешься! — замѣтилъ небрежно хозяинъ.

— Да, какъ же! — возразилъ тотъ.

— Вѣдь этому настою цѣны нѣтъ, — а ты хлещешь какъ квасъ.

— Жалко? Буржуй проклятый!

Онъ опрокинулъ чарку, обжогся, весь вздрогнулъ, даже отряхнулся, какъ пудель, и сказалъ:

— Вотъ чортово зелье!

— Игнатъ, разрежи, какъ ты на кладбищѣ сарабанду плясалъ, — предложилъ Капля.

— А почему ты думаешь, что это гостю интересно?

— Интересно! Почему человѣкъ среди могилъ прыгаетъ, хохочетъ и кувyrкается? Эй-Богу, интересно.

— Значитъ радъ, коли кувyrкается.

— У него, видите ли, — обратился ко мнѣ хозяинъ: — была нѣкогда исторія въ семинаріи, за что его и изгнали съ позоромъ, аки неотребное козлице. Исключили его ректоръ да два учителя-мучителя — грецкій и латынскій. — Было это, должно, лѣтъ десять назадъ... Такъ?

— Ну, положимъ, около того.

— И вотъ приходимъ мы на прошлой недѣлѣ въ нашъ городъ на кладбище, — вдругъ я вижу — расцвѣтастъ мой Игнатъ, словно крикъ сельный, — и вдругъ какъ залящеть. Вскочить на плитку да по плитѣ, по плитѣ! Хохочетъ, рыдаетъ и скачетъ, скачетъ, какъ хлыстъ! — „Ага кричитъ, ага! Что взяли?“ — Всѣ трое, понимаете, и латынскій, и грекскій, и ректоръ отъ хохоту очоурились — рядкомъ ихъ положили, — а затравленный-то ими семинаристъ надъ ними живой канканъ

учиняетъ! То-есть такая это была мерзость, что съ души воротило...

— Это не мерзость, а психозъ, — поправилъ Игнатъ.

— Какой психозъ? Просто оселъ лягалъ мертвого льва.

— Ну, ужъ извини — тѣ тоже были длинноухіе, а львами отъ нихъ и не пахло. А что они въ душу мнѣ паливали и потомъ всю жизнь на изнанку выворотили, — такъ я за нихъ поэтому напихиды, что ли, долженъ служить? Да, я прямо говорю — у меня отъ радости въ зобу дыханье сперло, когда эти плитки увидѣлъ. — „Ага, голубчики, лежите вверхъ носикомъ, — теперь, небойсь, драньемъ дѣтей не занимаетесь: — самихъ червячки кушаютъ. Такъ вамъ и надо, гнусавымъ гусямъ! За что меня полуобѣденнымъ оставили? Вѣдь такой мнѣ волчій паспортъ дали, что только въ актеры можно было идти. Вонъ братъ мой на казенномъ счету отъ медицинской академіи въ Парижѣ обучается, а я — во сто разъ способнѣе его — и вотъ здѣсь прихлебатедемъ живу!“

— Я тебѣ предлагалъ въ подарокъ двѣнадцать десятинокъ, — пахалъ бы да сѣялъ, — сказалъ Капля.

— Какъ же, очень нужно! Такъ я и пошелъ въ землепашцы! Вотъ, небойсь, ты, Оедька, тоже не пашешь, — а норовишь, какой бы кусъ урвать посланце.

— Ну, развѣ ты не пьянъ?

— Это легко отдѣлываться отъ отвѣтовъ: коли что скажутъ непріятное, — значить, спяна. А я тебѣ вотъ что скажу, буржуй: ты принадлежишь къ тѣмъ людямъ, которые съ дѣтства не знали ни труда, ни нужды, ни горя. — Значить, о жизни понятія у тебя нѣтъ...

— А вы бы передъ гостемъ представленія не давали! — вдругъ сказала хозяйка.

Онъ жалобно-испуганно взглянулъ на нее, какъ-то поособачи, точно хвостъ поджалъ.

— Да что-жъ, я ничего... — прошепталъ онъ.

VIII.

Эмилія почти ничего не ѣла, только выпила маленькую чашку чая. Капля напелъ, что одной бутылки на троихъ мало, и потому выпили вторую. Игнатъ пилъ не торопясь, но съ отвращеніемъ.

— Знаете, чѣмъ здѣсь хорошо, — вдругъ обратился онъ ко мнѣ: — вотъ васъ поятъ-кормятъ, но даже не спросятъ, кто вы такой. — Потому что здѣсь всѣмъ до всего все равно. Быть-можетъ, вы шуллеръ, бѣглый, можетъ-быть, гениальный химикъ, — но это здѣсь совершенно безразлично. Я думаю, если бы прѣхалъ на постой Александръ Македонскій, такъ ему нисколько бы не удивились, а велѣли заморозить липиною подложину шампанскаго.

— Вѣрно! — подтвердилъ Капля. — Nil admirari! Есть вообще чему удивляться на свѣтѣ! Все такъ скучно, просто, мерзко и гнусно... Ну-ка, Миль, пойдемъ на террасу. Дождь прошелъ, — а ты попоешь намъ.

Всѣ встали.

— У насъ не благодарятъ, — предупредилъ меня хозяинъ. — Коли сигару хотите, вонъ на буфетѣ, — а не курите — тѣмъ лучше, у насъ никто не курить.

Терраса въ новой пристройкѣ была большая, колончатая и одной ступенькой отдѣлялась отъ дорожки сада. Въ наступившей тѣмѣ смутно чернѣли мокрыя деревья, и слышно было въ тишинѣ, какъ звонко падали озябшія капли. Грома уже не было слышно, и только гдѣ-то сбоку широкими взмахами огненныхъ крыльевъ загорались зарницы.

— Тепленькая такая, какъ въ предбанникѣ, — сказалъ хозяинъ и повалился въ кресло.

Эмилия сѣла гдѣ-то на кушетку. Игнать помѣстился возлѣ нея на табуреточкѣ.

— Ну-ка, хвати! — предложилъ Капля.

Она шевельнулась и заплѣла.

Что это было за голосъ! Это была такая силища, что любой оперный оркестръ былъ бы ею покрытъ свободно. Звукъ былъ чистъ, какъ стеклянный. Онъ лился легко, красивыми мягкими волнами, улетаая куда-то въ ночной мракъ и теряясь между спутанными сучками деревьевъ.

Ночь тепла,

Ночь тиха,

Не могу я уснуть...

— плѣла она. Я видѣлъ, какъ ей мужъ въ тактъ дирижировалъ рукой — и наслаждался.

„Такъ скучно, мерзко, гнусно!“ — вспомнилъ я его слова. Но теперь было не гнусно и не мерзко. Весь мракъ былъ наполненъ, залитъ дрожащими звуками. Деревья вдругъ преобразились въ чудовищныхъ великановъ и застыли, очарованныя Тамарой. Земля какъ будто куда ушла, — и насъ перенесло въ какой-то странный мѣръ, гдѣ нѣтъ ни свѣта, ни красокъ, ни видимыхъ образовъ, — а есть только звуки и душистыя волны аромата отъ старыхъ цвѣтущихъ липъ.

Она кончила. Наступило молчаніе. Мнѣ показалось, во тѣмъ кустовъ какой-то черный большой силуэтъ промелькнулъ и скрылся. Что-то хрустнуло. Но никто не обратилъ на это вниманія, кромѣ борзой. Та подняла уши, насторожилась, трусой пробѣжала куда-то во мракъ и, успокоенная, вернулась. Очевидно, это не былъ злой духъ, подстерегавшій Тамару. Тѣмъ не менѣе вдругъ возлѣ меня раздалось коварно-сладкое, мощно-нѣжное пѣніе демона:

На воздушномъ океанѣ,

Безъ руля и безъ вѣтриль...

Я слушалъ его и думалъ: — „вотъ гдѣ таятся голоса, безъ которыхъ гибнетъ сцена, — на конскихъ заводахъ, въ глуши нашихъ степей...“

Но Оединъ не довелось кончить: только онъ дошелъ до высшаго пафоса, — какъ оборвалъ пѣніе и вдругъ крикнулъ:

— Черти! Кто его пустилъ?

Онъ вскочилъ съ кресла. И тутъ только я замѣтилъ лошадиную морду, просунувшуюся на балконъ.

— Капаль! — ревелъ онъ. — Опять калитку не заперли, ироды! Опять въ партеръ лошадь пришла... Убью скотовъ!

Лошадь, онъ, борзая, — все это мгновенно шархнулось съ шумомъ, лаемъ, топотомъ и крикомъ, — и исчезло во мракъ.

— Такъ кончился пиръ ихъ бѣдок, — сказали нравоучительно Игнать.

— Хорошій у меня голосъ? — спросила Эмилия.

— Превосходный, — отвѣтилъ я.

— Мнѣ бы на сцену, — Оединъ не пускаетъ.

— Повѣсите бы вашего Оединъ, — пробормоталъ Игнать.

Эпизодъ этотъ разстроилъ концертъ, и рѣшено было идти спать.

Капля тяжело дышала, и широкія брови его ходили, и челюсти двигались. Должно-быть, онъ съ кѣмъ-нибудь распорядился, не стѣсняясь никакими станowymi. Онъ сунулъ мнѣ свою руку и только сказалъ:

— Спите, у насъ тихо.

Въ китайской комнатѣ было, точно, тихо, только трещалъ гдѣ-то страдавшій бессонницей кузнечикъ. Простыни были сырыя, но теплыя. Я быстро раздѣлся и легъ, отославъ Оедулку и сказавъ, что мнѣ отъ него ничего не надо. Но едва я натянулъ на себя простыню и какое-то полосатое одѣяло, какъ въ двери послышался стукъ. Замковъ и задвижекъ не полагалось, поэтому велѣвъ за стукомъ раздался скрипъ, и на порогъ показалась фигура Игната со свѣчкой, бутылкой и двумя стаканами.

— Можно? — спросилъ онъ и, не дожидаясь отвѣта, поставилъ на столикъ все принесенное, и самъ опустился на стулъ.

— Что это вы — мадеру послѣ шампанскаго? — спросилъ я.

— А что-жъ, — мадера всегда во благовременіи, — замѣтилъ онъ. — Англичане ее даже послѣ чаю пьютъ. Будете?

— Не буду.

— Мнѣ больше останется. Я на ночь всегда бутылочку охалащиваю. Иначе сна нѣтъ. Вы этого не знаете еще чувства, — когда въ затылкѣ тяжесть, вѣки поднять нельзя, голова какъ чугунная лежитъ на подушкѣ, — а сна нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ. Бьетъ три, четыре, шесть, семь, — день встаетъ и несетъ съ собой ту же тяжесть и пустоту...

— А тяжесть-то не отъ мадеры? — спросилъ я.

— Нѣтъ, — отъ мадеры она какъ будто на время скатится, и сонъ приходитъ...

Она налилъ стаканъ и вынулъ залпомъ.

IX.

— Не сердитесь, что я пришелъ, — началъ онъ. — Но мнѣ не хотѣлось, чтобъ у васъ осталось обо мнѣ впечатлѣніе пьяницы-приживальщика. Ну, что-жъ, я человекъ недождѣванный, знаете, дома такіе бываютъ: строятся, строятся, — а все окна досками заколочены, — никому не нужны. Не повезло: должно-быть, родился такимъ. Вонъ на дворѣ собака есть — вся бѣлая, а полморды и ухо черное, — такъ что ее „Лышимъ“ зовутъ. Съ этимъ я готовъ примириться. Но не могу я примириться съ тѣмъ, что тѣ, кто дождѣвалъ, почиваютъ на лаврахъ и на меня фыркаютъ. Вотъ за это самое у меня порою бываетъ такая злоба, что если-бъ можно было, я все бы ваше человечество сложилъ въ одну кучу, облилъ керосиномъ, да подъ нее и сунулъ головешку, а когда занялось бы все это, опять бы сарабанду затанцовалъ.

— А вѣдь это вы не свое, а откуда-то говорите, — сказалъ я.

— Возможно. Возможно, что когда-то, кто-то, гдѣ-то, кому-то сказалъ что-то подобное. Былъ это вопль души, вопль наболѣвшей плоти. Бываютъ минуты, когда у меня ненависть къ людямъ такъ сильна, что мнѣ кажется, будто на свѣтѣ не существуетъ преступленія. Что какую бы мерзость противъ людей ни сдѣлать, все это заслужено ими и, кромѣ похвалы, ничего на это сказать нельзя. Я все вотъ сижу и жду момента...

— Какого момента?

— А явится моментъ, когда вотъ такіе, какъ я, что въ углахъ сидятъ и зубы точатъ, всѣ встанутъ и пойдутъ.

— Куда?

— Впередъ, — на зарево.

— На какое зарево?

— А кто-нибудь осмѣлится и подожжетъ. А мы зарево увидимъ и пойдёмъ.

— Тушить!

— Нѣтъ, керосиникомъ обливать.

А пока мадеру пьете?

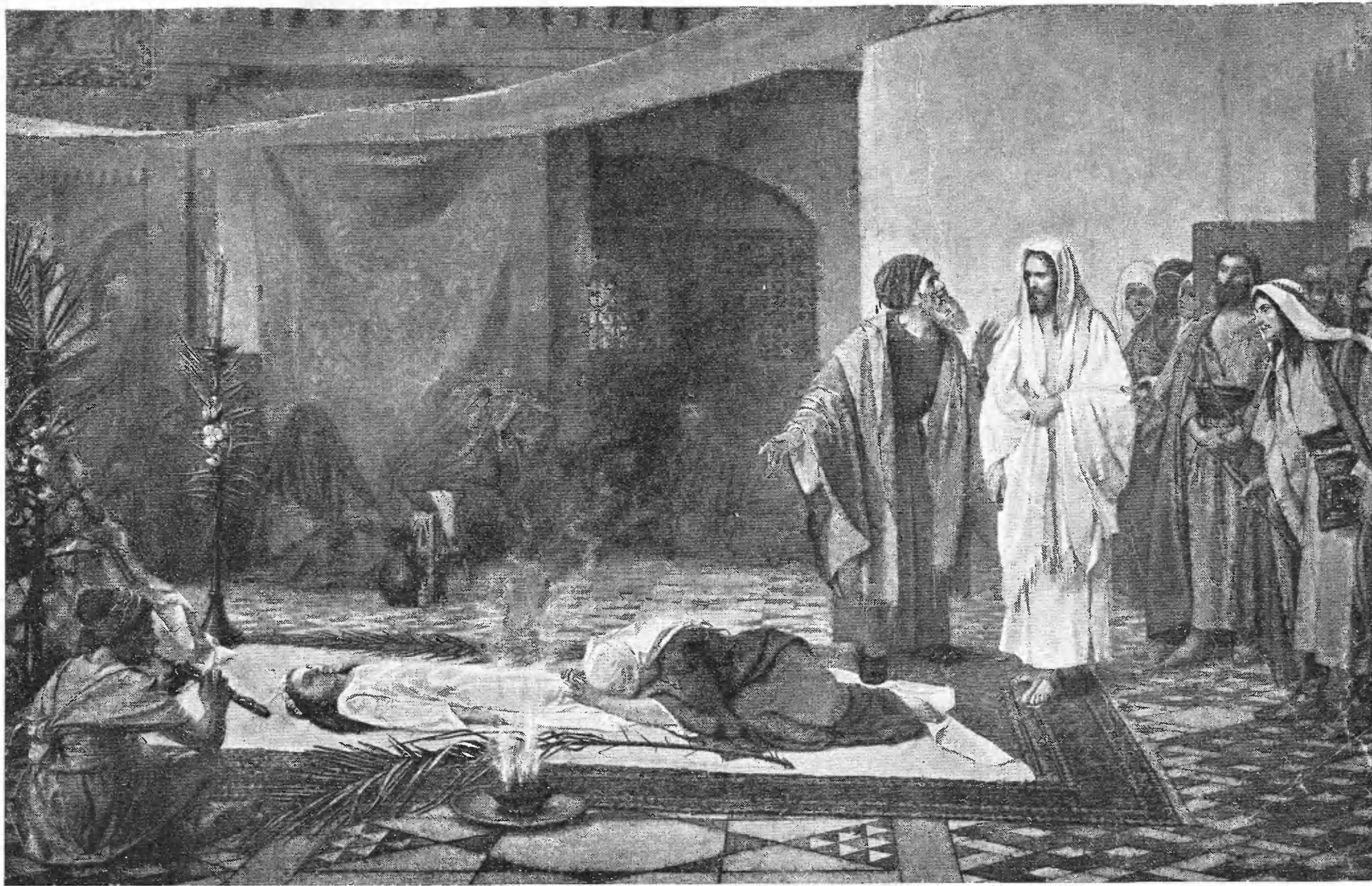
А пока мадеру пью.

Мы помолчали.

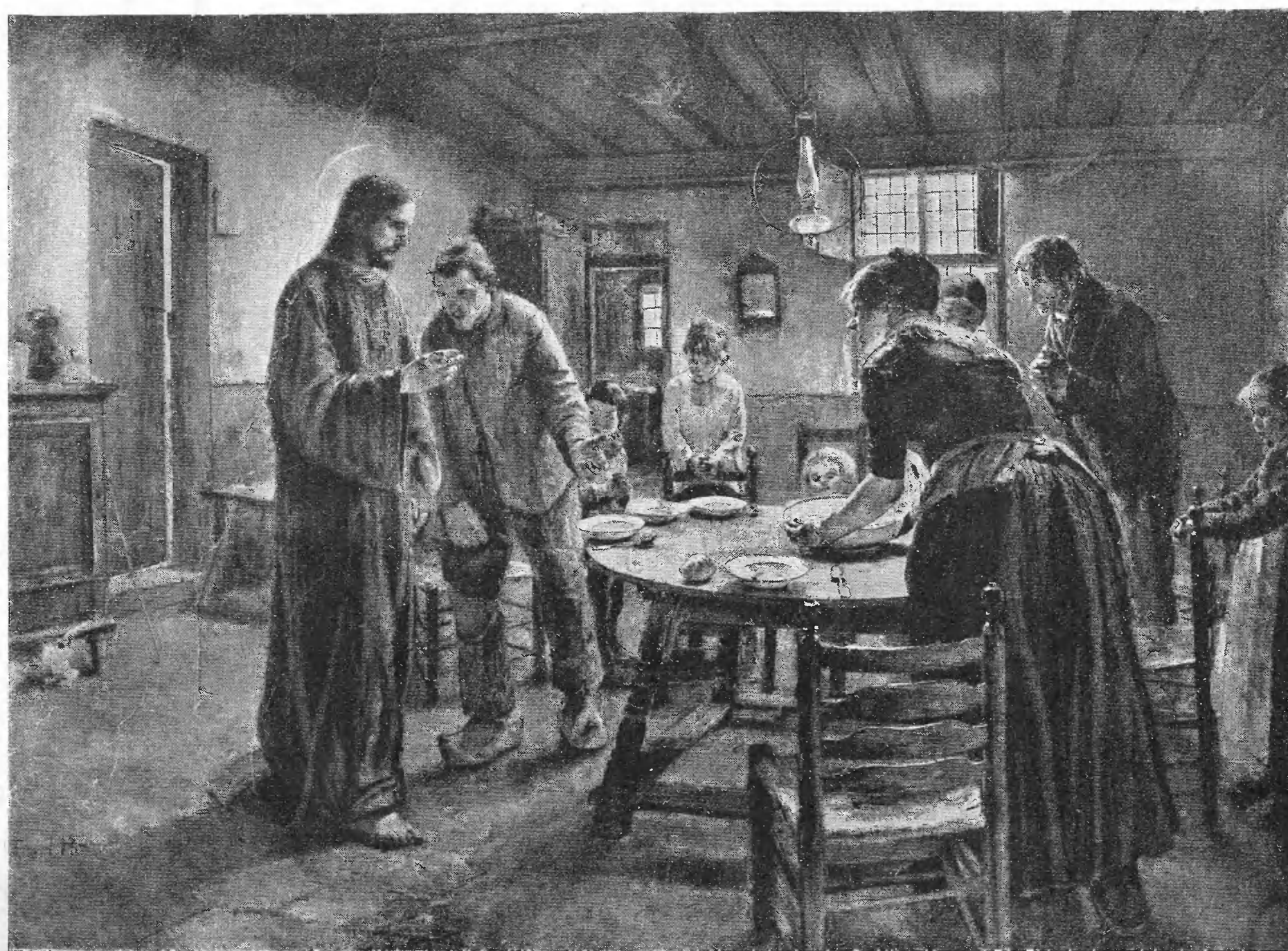
— Посмотрите, что вокругъ, — заговорилъ онъ. — Вотъ хотя бы эта Эмилия. Слышали — голосище какой? Зачѣмъ она здѣсь, зачѣмъ это пропадаетъ среди нашихъ конюшенъ? Только потому, что се поплъ повѣнчалъ съ этимъ боровомъ? Я ей сколько разъ говорилъ: страхните его съ себя, какъ червя, что ползаетъ по васъ, поѣзжайте въ Миланъ, или куда тамъ надо фхать, и учитесь. А потомъ вѣдь мѣръ ахнете.

— Что-жъ она?

— А она, какъ всѣ дѣтскія идиотки, начиная съ кисломолочной Татьяны, — твердитъ: „ему я отдана и буду ему вѣрна“. А за коимъ дьяволомъ, кому нужна эта вѣр-

Исцѣленіе дочери Іаира. Картина де-Вр'ена, авт. «Нивы».

Чудесный Гость. Картина Фрица Удэ, авт. «Нивы».

пость? „Ни памъ, ни вамъ, ни имени твоему“.—Все заколѣбло, все заплеснѣло, все ждетъ минуты, чтобы встряхнуться... И если эта минута придетъ,—Господи, какая перемена будетъ: всѣ, кто теперь задравши голову ходятъ, маленькіе, ма-а-ленькіе станутъ,—а мелюзга вдругъ вырастетъ. Вчерашніе карлы вдругъ перельются въ завтрашнихъ гигантовъ и начнутъ такъ шагать, что вся земля ходуномъ ходить будетъ.

Онъ какъ-то выплеснулъ въ себя еще одинъ стаканъ, и глаза его засвѣтились страннымъ огнемъ.

— У насъ на заводѣ, — продолжалъ онъ: — стачка была. И когда на громаду собрались всѣ—тутъ я и понялъ, какія бываютъ преображенія. Лица у всѣхъ вдругъ задышали. У станка стояли понурые, хилые, а тутъ вдругъ—точно пружину въ нихъ какую завели. Пояса стянулись туго, стоять твердо, ноздри раздуваются. А все, что было добросовѣстное, добропорядочное, на три съ плюсомъ,—это все слиняло, личичимъ стало,—и такъ-таки отъ него кромѣ мокраго мѣста ничего и не осталось. Вотъ братъ мой,—медикъ,—онъ въ своемъ муравейникѣ „сила“, — а я пигмей, пролетарій. А стукнетъ часъ,—и силы покажутся жалкимъ безсилемъ, а пигмеи займутъ міръ...

— А будетъ такое время?

— Будетъ, и скоро.

Онъ опустилъ голову на руки. Тутъ я увидѣлъ его пальцы—тонкіе, длинные, какъ у пианиста.

— Да, будетъ,—повторилъ онъ:—если и не скоро, то скорѣе, чѣмъ вы думаете.

Онъ всталъ, немного пошатнулся и удержался за спинку стула.

— Мани, факель, фаресъ! — проговорилъ онъ, кривя лицо.—И вотъ тогда я отплачу за все и всѣмъ. Мышины слезки отзовутся... И эти китайскія ширмы, и китайскія подушки, и безики,—все припомнимъ—

...Волны на берегъ съ утра

Нахлынутъ съ бѣшенствомъ погоны,—

И смигутъ бронзовые кони...

— да-съ! А пока—спать пойду. Извините, что вамъ помѣшалъ.

— Захватите бутылку и стаканы,—сказалъ я: — отъ нихъ пахнетъ скверно.

— Ужъ и скверно! Пахнетъ выпитой бутылкой, мокрой пробкой,—с'est tout!

— Ну, вотъ именно—выпитая-то бутылка и отвратительна, потому что напоминаетъ портерную.

— Остерію! — поправилъ онъ меня.—И ничего дурного въ остеріи нѣтъ. Странно, если-бъ она испускала запахъ магноліи. Эхъ вы,—слишкомъ ужъ нѣжный!—Ватой набиты.

X.

Утромъ меня разбудило несчетное количество мухъ, поселившихся въ китайской комнатѣ. Не знаю, сколько ихъ въ Китаѣ, но тутъ онѣ ползали по ширмамъ цѣлыми тучами. Тщетно я закрывалъ голову простыней, онѣ пролѣзали въ малѣйшее отверстіе и съ усердіемъ изыскивали на моей кожѣ мѣста, куда бы можно было укусить. Ни темныхъ шторъ, ни пологонъ у кровати не полагалось: хозяйка рассчитывала на здоровую русскую натуру, которую не только муха, но и пушка не разбудить.

Въ шесть часовъ я вышелъ въ садъ, весь вымытый вчерашнимъ ливнемъ и трепещущій въ сѣни утреннихъ лучей. Первый, кого я встрѣтилъ, былъ Капля; онъ огромными шагами отбѣгивалъ аллею.

— А, здравствуйте, Владимиръ Николаевичъ, — крикнулъ онъ, хотя меня никогда Владиміромъ Николаевичемъ не звали.—Какъ спали? Хотите лошадей закладывать?

Это былъ вѣжливый намекъ, и потому я отвѣтилъ:

— Я сейчасъ этихъ распоряжусь, Сидоръ Никаноровичъ.

Онъ какъ будто удивился такому имени, потомъ пожалъ мнѣ руку и сказалъ:

— Не сердитесь. Хорошо спали?

— Мухъ очень много.

— Развѣ? А у насъ въ спальнѣ совѣмъ нѣтъ. Впрочемъ, я сплю, какъ зарѣзанный.

— Ну, спасибо за пріюгъ,—сказалъ я.

— У насъ не благодарятъ,—повторилъ онъ.—Съ женой вы не прощайтесь,—она раньше девяти не встаетъ.

Черезъ полчаса я уѣхалъ.

— Хорошій баринъ,—объяснялъ мнѣ по дорогѣ ямщикъ.—Господи, Боже мой, какъ кормятъ! Вареники на ужинъ вчера давали! Ей-Богу! Потомъ—борщъ съ саломъ... Которые малоземельные помѣщики,—тѣ такъ не ѣдятъ... Насчетъ пищи—большая свобода, не то что у насъ въ Новгородской.

— А насчетъ прочаго? — поинтересовался я.

— Насчетъ прочаго — умаленіе. Непріятный человекъ...

— Кто, Капля непріятный человекъ?

— Вотъ этотъ самый Капля. Вы подумайте,—у него одно: — либо штрафъ, либо въ зубы. Сегодня — зубы, завтра — штрафъ. У всѣхъ рабочихъ, можно сказать, скулы сворочены. Зубами—хоть дорогу мости. На штрафовыя деньги онъ карцеръ построилъ.

— Какой карцеръ?

— А для тѣхъ, кто ежели напьется и не скроетъ, а показывать характеръ начнетъ. И сейчасъ его, раба божьяго, берутъ подъ жабры и спускаютъ въ карцеръ. Очень этимъ недовольны... Человекъ онъ горячій: кипитъ, кипитъ, кипитъ, глаза на лобъ лѣзутъ: „Запорю! въ Сибирь!..“

— Да вѣдь это онъ такъ только: ни пороть, ни ссылать онъ не можетъ...

— Это точно,—правовъ у него нѣтъ. А только все-таки устраиваетъ! Думашь, а вдругъ онъ такъ предъ-явить ярлыкъ: молъ, опредѣляется, примѣрно, по распоряженію и прочее въ городъ Якутскъ. Тутъ ужъ, братъ, ау! Тутъ ужъ по-лѣтуншѣ запоешь.

— Да не можетъ онъ...

— Извѣстно, не можетъ. А только мы народъ темный и во все вѣримъ. Скажи памъ,—вотъ завтра земля расколется до самаго низа и смрадь пойдетъ,—мы повѣримъ, ей-Богу, повѣримъ... А конецъ этому Ѳсодору Адамычу скоро.

— Какой конецъ?

— А вотъ такой. Все тихо—мирно. И вдругъ придутъ и потребуютъ разъясненіевъ: ты по какимъ правамъ касательство къ скуламъ имѣешь? Что ты станому платишь—это особъ-статья, — а вотъ какъ насчетъ Создателя нашего, который всевидящимъ окомъ бдитъ? Отъ Него не скроешься. А потому ты намъ отвѣтъ должонъ держать, и сейчасъ мы тебя подвѣсимъ.

— Да за что же подвѣшивать?

— Да за то самое. Все за скулу. Каждому скула своя дорога.—ты какъ думаешь?

— Это точно.

— Дай имъ всѣмъ волю.—безъ зубовъ останешься. У насъ вонъ сколько начальства,—на всѣхъ и чмоостей не напасешься.

Предсказанія ямщика оказались пророческими. Не прошло трехъ дней моего пребыванія у товарища, какъ привезли вѣсть, что Каплю убили. Его убилъ молодой парень, котораго онъ собирался расчестъ за пьянство. Онъ разѣкъ ему голову до самой шеи пополамъ—новымъ топоромъ.

— Вотъ и молодая вдова осталась! — сказали сосѣди.—Теперь, чего добраго, уйдетъ на сцену.

XI.

Жизнь шла своимъ чередомъ. Прошло, думаю я, лѣтъ десять. Пріѣхать я какъ-то въ пошту по дѣламъ въ Парнятъ. Въ гостиницѣ, гдѣ я остановился, имѣли обыкно-

вение вмѣстѣ съ утреннимъ чаемъ (тогда уже начали въ Парижѣ подавать по утрамъ превосходный англійскій чай)—приноситъ программу завтрака и обѣда этого дня. На первой страницѣ были изображены въ краскахъ какой-то прилизанный милордъ въ смокингѣ, рыжая леди и рыженькая семилѣтняя миссъ съ сухими какъ спицы ногами; всѣ они сидѣли за столикомъ обѣденной залы и съ видимымъ омерзѣніемъ относились къ кушаньямъ. Въ одно прекрасное утро, на подносѣ, рядомъ съ этой программой, оказалось avis, гдѣ сообщалось, что въ такой-то день состоится русскій концертъ тамъ-то, что въ немъ примутъ участіе такіе-то, и въ томъ числѣ г-жа Кречеть-Вальковская. Кречеть-Вальковской я не зналъ, какъ не зналъ ни г-на Кравченко, долженствовавшего пѣть изъ „Игоря“ арію князя, ни г-на Свѣточа, о которомъ глухо сказано: „прочтеть русское стихотвореніе“. И я бы не пошелъ на этотъ концертъ, если бы не встрѣча въ одномъ уличномъ ресторанчикѣ.

Я сѣлъ, усталый, часа въ три дня, въ кафѣ близъ Сорбонны и спросилъ себѣ „un café“, когда за столикомъ рядомъ шумно помѣстились два господина.—конечно, говорившіе по-русски, потому что громче русскихъ никто, никогда, нигдѣ не говорить. Одинъ былъ гладенькій, пряменькій, съ животикомъ и свѣтлыми усами,—очевидно, какой-нибудь подполковникъ, еще не освоившійся со статскимъ платьемъ: другой—бритый, одѣтый въ свѣтло-гороховое пальто господинъ, съ лицомъ, мнѣ какъ будто знакомымъ. Онъ-то больше всего ажитировался.

— Позвольте, позвольте,—говорилъ онъ, махая руками:—я не понимаю, почему же мнѣ не читать то, что я выбралъ?

— Да потому, что это нецензурно!

— Какая же здѣсь цензура?

— Да вѣдь мы русскую колонию хотимъ привлечь?

— Ну, хотимъ.

— Можетъ-быть, посольство будетъ?

— Будетъ.

— Какъ же вы посла хотите стихами изъ „Полярной Звѣзды“ угощать?

— Что же такое? и „Полярная Звѣзда“ — дѣло пропалаго. Кому она страшна?

— Я не согласенъ.

— А мнѣ начхать на ваше несогласіе.

— Тогда сами и платите расходы.

— Экой буржуй проклятый!

Къ нимъ подошелъ длинный господинъ со слезящимися глазами и въ бакенбардахъ вѣромъ. Я зналъ его—это былъ обнищавшій баронъ, который считалъ священнымъ долгомъ каждый вечеръ проводить въ Парижѣ, для чего занимать у десяти пріятелей по сту рублей и переставать съ фехрами платить за квартиру. Трудно было сказать, зачѣмъ онъ прѣзжалъ въ Парижъ. Вся его дѣятельность заключалась въ томъ, что онъ съ утра до ночи тагалъ по улицамъ, останавливаясь передъ витриной каждаго магазина. Особенно онъ любилъ смотрѣть на выставку ювелировъ и обращалъ вниманіе по преимуществу на венцы, оцѣненные свыше тридцати тысячъ франковъ. Впрочемъ, онъ примазывался къ разнымъ пріѣзжимъ и на ихъ счетъ не только обѣдалъ и завтракалъ, но даже иногда пользовался удовольствіями. Съ первыхъ же словъ я понялъ, что онъ взялся для концертантовъ устроить пріѣздъ сливокъ общества.

— Мнѣ дали слово,—говорилъ онъ, растягивая гласныя и выражая на старчески-румяномъ лицѣ почтеніе къ тѣмъ особамъ, о которыхъ говорилъ.—Сказали: постарайтесь. Постарайтесь. Единственнымъ препятствіемъ можетъ быть внезапное возвращеніе президента.

— Да имъ какое дѣло до президента?—спросилъ, нахмуясь, поклонникъ Герцена.

— Ахъ, mon cher, какъ вы этого не понимаете! Тутъ все дѣлается колесиками одно за другое. Это меха-

низмъ.—Во всякомъ случаѣ я пушу въ „Figaro“ слухъ, что ожидаются „высокопоставленные особы“...

— А какъ же насчетъ нелегальныхъ стиховъ?

— Ни въ какомъ случаѣ! Сохрани Боже! Теперь совсѣмъ не то теченіе. Курсы стоятъ крѣпко,—четыре процента дѣшнлаго народнаго капитала помѣщены въ русскій заемъ. Нельзя, чтобъ явилась и тѣнь обостренія...

— Буржуи проклятые!..

— Ахъ, Боже мой!—замѣтилъ меня баронъ.—Вотъ кстати! Какъ я радъ!

Мы потряслись за руку.

— Вотъ позвольте вамъ...

Онъ вытащилъ бумажникъ и подаль два печатныхъ бланка.

— Вотъ позвольте вамъ предложить на концертъ... Всего по восемнадцати франковъ... Ваши соотечественники устраиваютъ благотворительный, въ высшей степени интересный, концертъ...

— Я одинъ, баронъ,—зачѣмъ мнѣ два билета?

— Ну, кому-нибудь уступите.

Я вынулъ восемнадцать франковъ.

— Нѣтъ, спасибо,—другой возьмите...

— Вы увидите такое общество,—всѣхъ музыкальных критиковъ...

И онъ подробно началъ мнѣ объяснять всю прелесть предстоящаго концерта. Во-первыхъ—тутъ патріотизмъ: во-вторыхъ—пропаганда русской музыки; въ третьихъ—доброе дѣло,—и прочее и прочее.

Я уклонился отъ знакомства съ концертантами, хотя мнѣ его усиленно навязывалъ баронъ. Но зато едва на эстраду вышла Кречеть-Вальковская, въ великолѣпномъ Воротковомъ платьѣ, и начала:

Ночь тиха,

Ночь тепла,

Не могу я уснуть...

— какъ на меня такъ и пахнуло темной южной ночью, съ широкими вспышками зарницъ. Да и господинъ во фракѣ, злобно поглядывавшій на пустой залъ и шептавшій: „проклятые буржуи“, оказался старымъ знакомымъ Игнатомъ Дефлорье.

Голосъ ея потерялъ юную свѣжесть былого, но развился, сталъ еще шире, обработаннѣе. Будь хоть немного больше публики, успѣхъ ея былъ бы громкій; но насъ было такъ мало, что если бы не баронъ, не жалѣвшій ладоней, пріемъ былъ бы печальный.

XII.

И вотъ теперь, здѣсь, на крайнемъ сѣверѣ, въ Финляндіи, сразу всплыло предо мной два впечатлѣнія: Украины и Парижа.

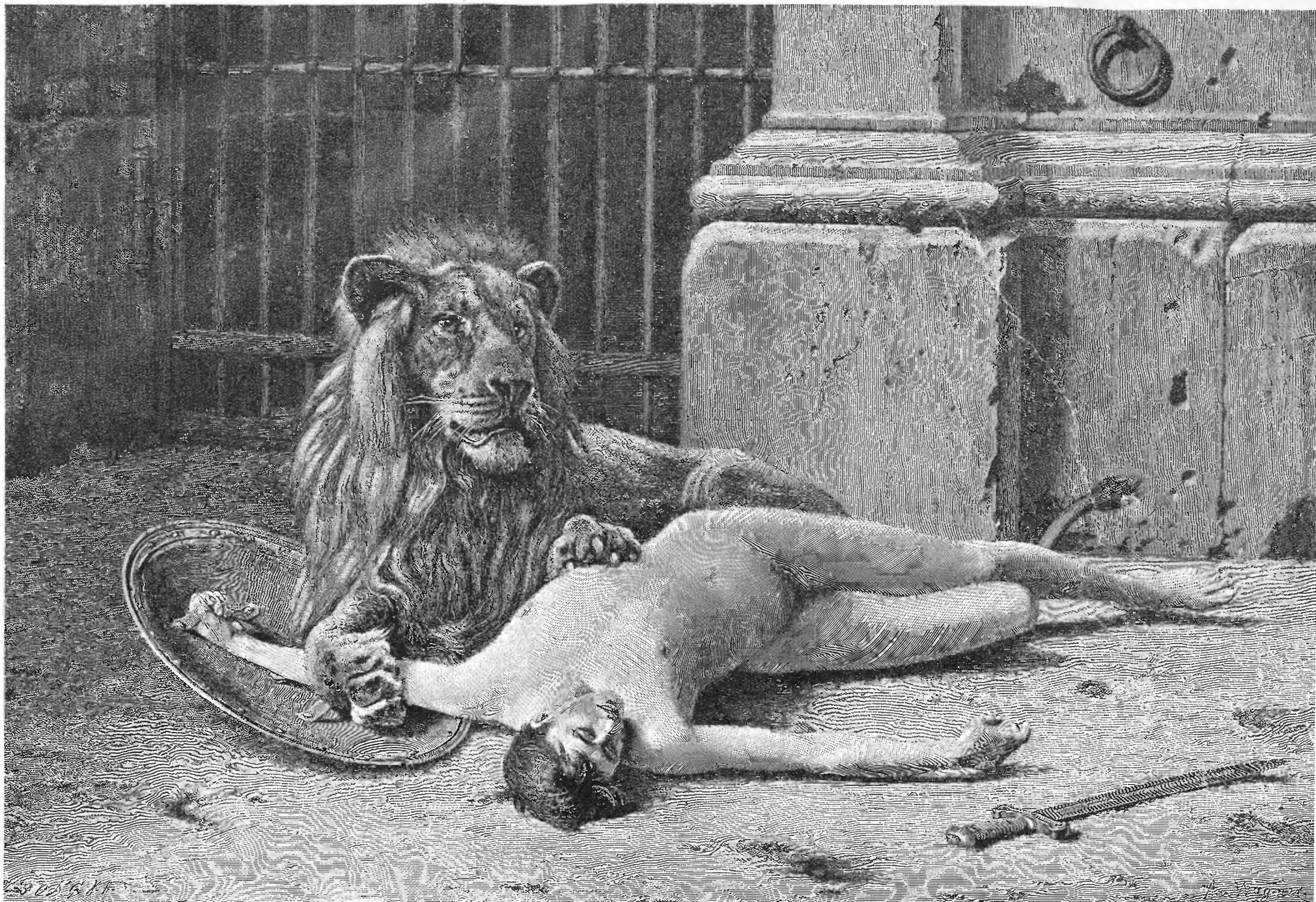
Но странно было еще одно: голосъ, звучавшій какъ будто надтреснуто въ Парижѣ, здѣсь казался чистымъ и болѣе молодымъ. Или резонансъ сосновой рои имѣлъ такое значеніе...

Какъ всегда бываетъ, когда живешь въ тиши, на свободѣ, какое-нибудь воспоминаніе или идея дѣлаются навязчивыми и начинаютъ, какъ комаръ, приставать днемъ и ночью. Такъ я тутъ.—каждый день, какъ я только оставался взглядомъ на томъ берегу, я вспоминалъ непремѣнно ту Эмилию, которую видѣлъ-то всего дважды въ жизни, и рядомъ съ ней желчаго Игната.

Однако, чѣмъ далѣе шло лѣто, тѣмъ какъ-то болѣе глухо и болѣе тѣниво раздавались голоса и звуки съ того берега. Пѣнія не было слышно, собаки лаяли рѣдко, стрѣлыбы совсѣмъ не было слышно. Кромѣ дворника никто не показывался.

Шли дожди, ливни, гремѣла гроза, сіяло солнце, тихо мерцала луна, но соннаго царства они не могли разбудить. Я сталъ думать, что жители тамъ всѣ вымерли. Но одинъ случай разубѣдилъ въ противномъ.

Пришелъ старикъ-финля, съ предложеніемъ купить у него дугъ — великолѣпный клеверный дугъ, который былъ ему неудобенъ, потому что приходилось идти на

Христiанскій мученикъ. Картина А. Вагнера, авт. «Ипвы».

покою за двѣнадцать километровъ. Побѣхали мы его смотрѣть.

Оказался лугъ этотъ—какъ разъ бокъ-о-бокъ съ тѣмъ злочастнымъ полемъ, гдѣ я встрѣтилъ строптивое старое привидѣніе. Десятка два сажень, и начинался заборъ, отдѣляющій одно владѣніе отъ другого. Трава была чудная, но и заломилъ же чухонецъ: по тысячѣ рублей за десятину.

Началъ я торговаться; торговались долго и наконецъ, должно-быть, порѣшили, потому что онъ долго жалъ мою руку и приговаривалъ:

— Карасо путеть, карасо.

Я уже поздравлялъ себя хозяиномъ, когда дѣи черезъ два моя кухарка меня оновѣстила:

— А землю-то перебили.

— Кто перебилъ?

— Да этотъ длинный, что напрогнѣ живеть. Узналъ, что вы хотите купить, и сейчасъ далъ всѣ деньги.

Пришелъ и мой продавецъ, веселый и немного подвыпившій.

— Нелься не родать!—кричалъ онъ, хлопая себя фуражкой по ляжкамъ.—Сейчасъ меня позвать, и позвать, и сейчасъ сколько хосесь денегъ, и взять деньги и суетъ мнѣ рука и карманъ...

— Зачѣмъ же ему такъ земля понадобилась?

— Онъ люпитъ, стопъ никого не пыло, а онъ отинъ. И онъ кодитъ совѣмъ разгѣта и послѣ достика лосится на поле и по мокрому катается и самъ тѣлается мокра... Онъ воду не люпитъ, не кодитъ воду, а мокра трава люпитъ...

Сдѣлка состоялась между ними настолько быстро, что когда черезъ недѣлю я проѣзжалъ мимо, стоялъ уже столбъ съ огромной доской и надписью:

Save саеп!

Бойся псовъ!

И хотя псовъ нигдѣ не было видно, но я былъ убѣжденъ, что стоило только кому-нибудь ступить на берегъ, какъ они взялись бы откуда-нибудь и растерзали бы дерзкаго.

А пока—тишина стояла такая, что порою хотѣлось какого-нибудь взрыва, чтобы хоть чѣмъ-нибудь нару-

шить это молчаніе. Когда проѣзжаешь мимо ихъ обрыва,— слышно, какъ бѣлка грызетъ на деревѣ шишки. Финляндская тишина здѣсь являлась во всей ея красѣ.

Впрочемъ, и мой берегъ былъ такъ же пустыненъ и тихъ. Иногда, когда лежалъ я въ тѣсу, мнѣ доводилось „слышать“—да, именно—„слышать“, какъ растутъ грибы. Ложась съ книгой на мягкій зеленый мохъ, я невольно замѣчалъ, какъ ящерицы пугливо юркали въ сторону, правы, какъ рулѣтъ, своимъ зеленымъ хвостикомъ, я невольно слѣдилъ и за грибомъ, поднявшимся снизу, изъ земли, и упершимся своей шляпкой въ узорную сѣть, плотно сплетшагоса надъ нимъ мха. И вдругъ, когда я и не думалъ о немъ, и весь отдавался чтенію,—слышался трескъ. Тоненькія волокна мха лопались, и круглая плѣшивая шапка торжественно поднималась вверхъ. И тутъ была борьба—мохъ не пускалъ, а живая сила требовала простора—и побѣждала.

Но она побѣждала на время... Грибъ былъ самъ недолговѣченъ,—куда недолговѣчнѣе мха. Онъ и самъ начиналъ дѣи черезъ четыре подгнивать. Гордый, стройный стоявшій на своей ножкѣ, онъ вдругъ какъ-то кривился. Шляпка, такъ славно и крѣпко сидѣвшая на немъ, вдругъ тоже сползала на бокъ,—и весь онъ напоминалъ собою фразта, который возвращается утромъ, на восходѣ солнца, съ кутежа домой,—со шляпой, сползшей на самый носъ...

Слѣдилъ я на террасѣ, какъ хмель,—юркій мохнатый хмель рвался къ свѣту и свободѣ. Какое это странное растеніе! Молодые усики видятъ и чувствуютъ, куда имъ надо идти, за что прицѣпиться. Вотъ настоящіе карьеристы! Они цѣпко, смѣло хватаютъ то, что кажется имъ опорой. Обвившись вокругъ, они бѣгутъ дальше и выше,—а сзади, за собой, влекутъ цѣлый сонмъ своихъ родственниковъ,—зеленыхъ лапчатыхъ листьевъ. И они, какъ и хмель, что играетъ въ головѣ,—такъ же прихотливы, веселы, цѣпки и радостны.

Всюду была жизнь. И въ стрекотѣ „коромыслъ“, и въ шуршаніи кузнечиковъ, и въ пѣніи какого-то захудалого заветнаго соловья...

Только тамъ, на томъ берегу,—все молчало!

(Продолженіе слѣдуетъ)

Къ 30-лѣтію присоединенія Кокандскаго ханства.

(Съ 15 рис. на стр. 154 и 155).

Тридцать лѣтъ тому назадъ, 19 февраля, совершилось окончательное присоединеніе къ Россіи Кокандскаго ханства.

Исторія Кокандскаго ханства изслѣдована еще недостаточно обстоятельно, и болѣе или менѣе точныя свѣдѣнія объ этомъ азиатскомъ деснотическомъ государствѣ появляются лишь въ концѣ XVIII вѣка, когда и была основана столица ханства, г. Кокандъ. Кокандскіе ханы проводили жизнь весьма бурно, постоянно ссорясь съ сосѣдями и съ непокорными феодалными князьями (беками). Въ этихъ ссорахъ кровь лилась потоками и въ серединѣ XIX вѣка стала занимать даже сосѣднія русскія земли: кокандцы совершали постоянныя набѣги на киргизовъ—русскихъ подданныхъ и перѣдко грабили истребляли русскіе караваны, ходившіе въ Персію.

Все это заставило Россію принять противъ безпокойныхъ азіатовъ рѣшительныя мѣры.

Еще въ 1830 году была предпринята экспедиція съ цѣлью разрушить пограничныя кокандскія крѣпости. Спустя нѣсколько лѣтъ, эти крѣпости были разрушены, и въ то же время русскіе построили нѣсколько своихъ пограничныхъ крѣпостей (Раймское укрѣпленіе, г. Вѣрный и пр.). Въ 1853 г. оренбургскій губернаторъ Перовскій взялъ крѣпость Акъ-Мечеть, переименованную потомъ, въ честь его, въ «Фортъ Перовскій». Въ 1860 году кокандцы объявили Россіи священную войну («газавать»), но во время этой войны были разбиты и потеряли еще двѣ крѣпости.

Дальнѣйшіе походы на кокандцевъ велъ съ полными успѣхомъ и прославили имена Черняева, Кауфмана и, наконецъ, Скобелева. Черняевъ взялъ въ 1864 году Ташкентъ, при чемъ изъ отобранной у кокандцевъ вѣзетъ съ этимъ городомъ обширной территоріи была образована цѣлая новая русская область—Туркестанскій край. Кауфманъ разгромилъ въ 1875 году, во время новой «священной войны», хана Абдуррахмана, занявъ Кокандъ и Маргеланъ и заключая съ новымъ ханомъ, Пассеръ-Эддиномъ, договоръ, по которому ханъ обязывался платить ежегодную дань, уступилъ часть земель и призналъ себя слугою русскаго царя.

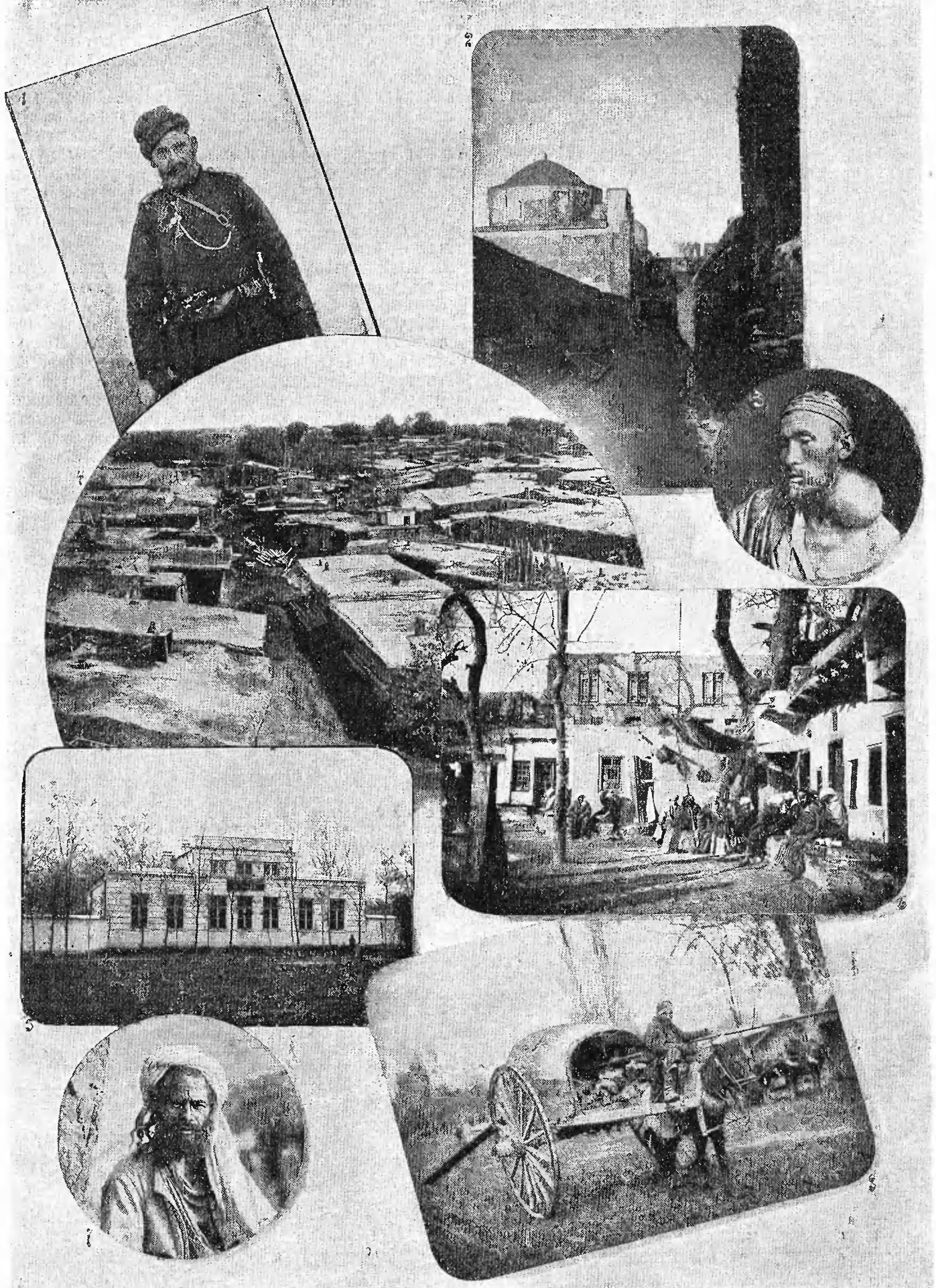
Однако эти хорошія обѣщанія выполнены не были, и едва русскіе удалились изъ оккупированныхъ областей, какъ въ ханствѣ вспыхнуло новое возстаніе. Конечъ всѣмъ этимъ кровавымъ пердвѣгамъ положили лишь знаменитый Скобелевъ.

Такъ какъ ханъ Пассеръ-Эддинъ затѣялъ новыя интриги, съ цѣлью избавиться отъ русскаго вліянія, и привлечь на свою сторону враждебную Россіи партію и фанатическое духовенство, то Скобелевъ постѣпилъ немедленно предупредить результаты этой интриги. Онъ рѣшился на крайній шагъ: быстрымъ движеніемъ направился къ Коканду и 8 февраля 1876 года занялъ Кокандъ, при чемъ захватилъ огромные запасы боевыхъ снарядовъ и 62 орудія. Благодаря этому смѣлому шагу, гнѣздо азіатовъ было окончательно обезврежено, и удалось избѣжать новаго кроваваго «газавата».

19 февраля 1876 г. состоялось Высочайшее повелѣніе о присоединеніи къ Россіи всей территоріи Кокандскаго ханства и образованіи изъ нея Ферганской области. Столица ханства, г. Кокандъ, сдѣлалась уѣзднымъ городомъ этой области.

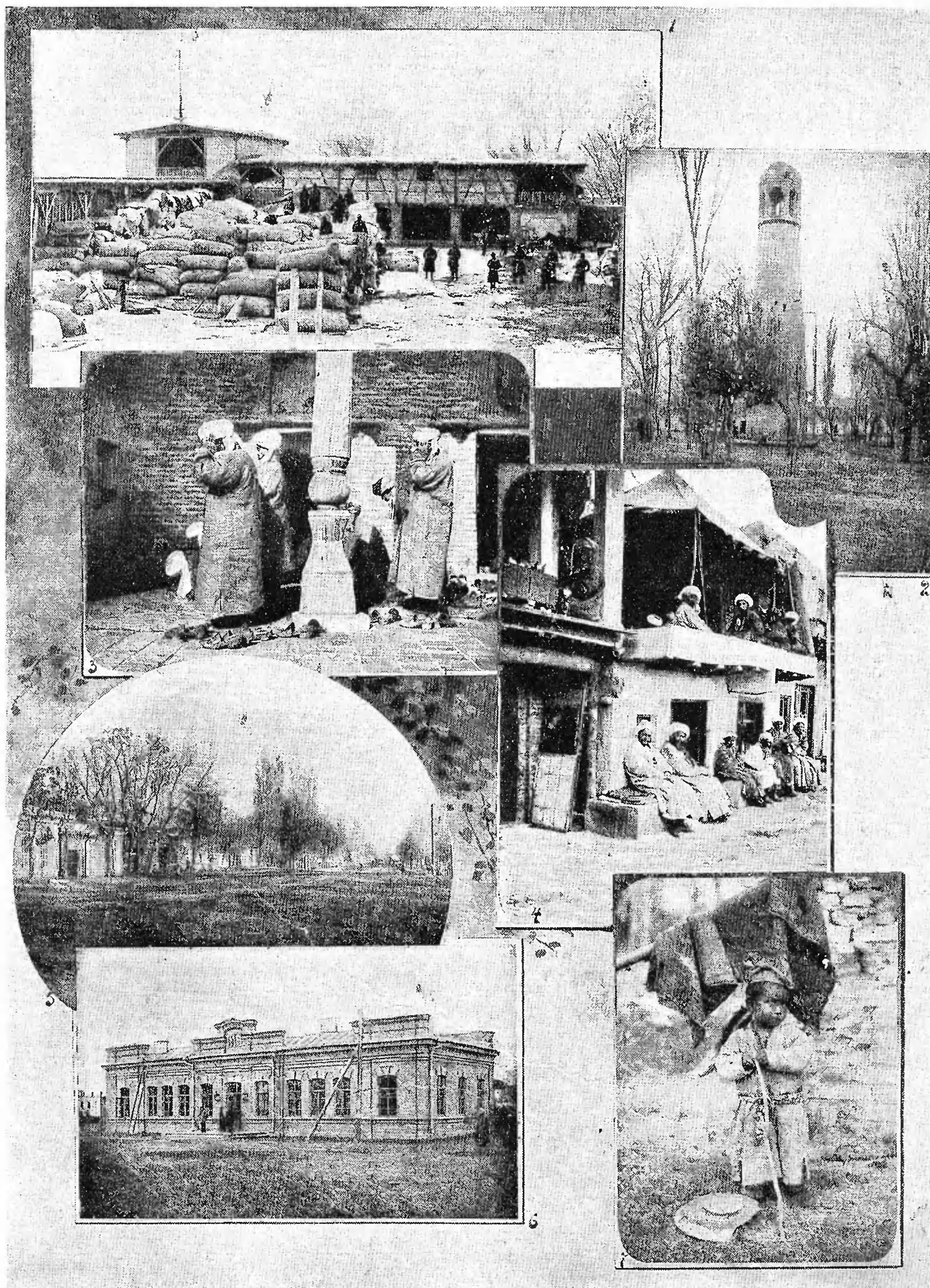
Въ настоящую время это чистенькій, изящно обстроенный городъ; эти эпитеты, впрочемъ, можно приложить лишь къ европейской части города.

Главная улица этой части Коканда—Розенбаховскій проспектъ, а также и нѣкоторые другія улицы, широки, хорошо шоссеваны и обсажены цѣлою тротуаровъ деревьями. Въ этой же части города обращаетъ на себя вниманіе старинная мѣстная достопримѣчательность—бывшій дворецъ кокандскаго хана. Дворецъ этотъ построенъ во время послѣднихъ хановъ и оконченъ лишь въ 1870 г. Восточный фасадъ дворца покрываетъ разноцвѣтная глазированная мозаика, подобранный съ замѣчательнымъ вкусомъ. Надъ фасадомъ возвышаются 4 балкины, тоже обложенныя изразцами. Входя въ дворецъ замыкается массивное дверью орѣховаго дерева, покрытое превосходной різьбой. Къ сожалѣнію, зданіе быстро разрушается вслѣдствіе плохой, неучено-вѣдѣнной постройки: кладка жженого кирпича велась, напримѣръ, на глинѣ.

1) Городовой въ туземномъ Кокандѣ. 2) Видъ на часть города съ вершины одной изъ мечетей. 3) Ферганскій сартъ, больной зобомъ, характерной болѣзнью Коканда. 4) Улица въ туземномъ городѣ. 5) Русско-туземная школа. 6) Уголокъ въ туземномъ городѣ. 7) Дервишъ. 8) Туземная арба.

Къ 30-лѣтію присоединенія Кокандскаго ханства. Виды мѣстности и типы населенія. По фот. Н. Ольшанскаго, авт. «Шивы».

1) Хлопкоочистительный заводъ. 2) Башня на дворъ „Джума-мечети“, съ вершины которой въ деспотическія времена ханы бросали женщинъ; уличенныхъ въ прелюбодѣяніи. 3) Сарты на молитвѣ. 4) Чайханѣ (чайналъ). 5) Розенбаховскій проспектъ. 6) Вокзалъ. 7) Сартенокъ.

Къ 30-лѣтію присоединенія Кокандскаго ханства. Виды мѣстности и типы населенія. По фот. Н. Ольшанскаго, авт. «Широкіе».

Туземная часть г. Коканда чистотою и изиществом похвалиться не может, но зато чрезвычайно оригинальна. Въ ней находится огромный базаръ—первый во всемъ Туркестанскомъ краѣ послѣ бухарскаго. Базаръ этотъ построенъ тоже при сѣбѣднихъ ханахъ.

Изъ старинныхъ сооружений, находящихся въ туземной части Коканда, слѣдуетъ упомянуть о башнѣ, стоящей во дворѣ, такъ называемой «Джума-мечети». Въ старые времена съ ея вершины бросали женщинъ, уличенныхъ въ прелюбодѣіи. Любопытствующіе туристы могутъ взобраться по узкой и темной витой лѣстницѣ на эту роковую башню. Съ нея открывается оригинальный видъ на туземный городъ, — предъ вами разстилается цѣлое море плоскихъ глиняныхъ крышъ.

Государственная Дума и Государственный Совѣтъ.

Недавно опубликованный Высочайшій Манифестъ 20 февраля, вмѣстѣ съ сопровождающими его указами и законами, создаетъ у насъ, въ Россіи, то, что называется двухпалатною парламентскою системою.

Манифестъ вноситъ существенныя измѣненія въ «положеніе о Государственной Думѣ» и кореннымъ образомъ реформируетъ Государственный Совѣтъ. Изъ этихъ двухъ учреждений оны и дѣла въ упомянутыя двѣ палаты нашего будущаго парламента. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ устанавливаетъ и опредѣляетъ и необходимую взаимную связь между Думою и Совѣтомъ.

Что касается Государственной Думы, то основныя черты новаго ея устройства (сообразно принципамъ 17-го октября) опредѣляются Манифестомъ въ слѣдующихъ чертахъ:

Дума является учрежденіемъ законодательнымъ. «Мы постановляемъ впредъ общимъ правиломъ, что, со времени созыва Государственного Совѣта и Государственной Думы, законъ не можетъ воспріять силы безъ одобренія Совѣта и Думы», — гласитъ Манифестъ. — «Дума, — по давшимъ словамъ Манифеста, — можетъ возбуждать предложенія объ отменѣ или измѣненіи дѣствующихъ законовъ и объ изданіи законовъ новыхъ, за исключеніемъ однако основныя государственныя законы». Этихъ послѣднихъ Дума касаться не можетъ.

Законопроекты могутъ быть вносимы (особымъ, указаннымъ въ законѣ, порядкомъ) министрами, главноуправляющими отдѣльными частями или же членами самой Думы. Въ послѣднемъ случаѣ требуется, чтобы заявленіе о новомъ законѣ (или заявленіе объ измѣненіи стараго закона) было подписано не менѣе, какъ 30 членами. Наконецъ, законопроекты могутъ поступать въ Думу и изъ Государственного Совѣта. Самое же составленіе законопроектовъ возлагается на министровъ или главноуправляющихъ — единолично или же на особыя комитетъ изъ думскихъ членовъ. «Законопроекты поступившіе въ Государственную Думу и ею одобренные, передаются въ Государственный Совѣтъ. Законопроекты, предначертанные по почину Государственного Совѣта и имъ одобренные поступаютъ въ Государственную Думу. Законопроекты, не принятыя Государственною Думою или Государственнымъ Совѣтомъ, признаются отклоненными. Законопроекты, поступившіе въ Государственную Думу и одобренные какъ ею, такъ и Государственнымъ Совѣтомъ, равно какъ законопроекты, предначертанные по почину Государственного Совѣта и одобренные какъ имъ, такъ и Государственною Думою, представляются Императорскому Величеству предсѣдателямъ Государственного Совѣта».

Въ этихъ послѣднихъ пунктахъ мы видимъ уже то, на что укажемъ поздѣе, — взаимодѣйствіе Думы и Государственного Совѣта. Этими взаимодѣйствіемъ, этою постоянною связью Думы съ Совѣтомъ, какъ увидимъ ниже, проникнуто все бытіе ихъ обоихъ.

Такова законодательная дѣятельность Государственной Думы. Что касается ея контрольной и хозяйственной дѣятельности то въ этомъ отношеніи вѣдѣнію ея подлежатъ слѣдующіе предметы государственнаго росписъ доходовъ и расходовъ вмѣстѣ съ финансовыми сѣтами министерствъ и главныхъ управленій, равно какъ денежныя изъ казны ассигнованія, росписью не предусмотрѣныя: отчетъ Государственного Контроля по исполненію государственной росписи; дѣла объ отчужденіи части государственныхъ доходовъ или имущества, требующемъ Высочайшаго соизволенія; дѣла о постройкѣ желѣзныхъ дорогъ непосредственнымъ распоряженіемъ казны и за ея счетъ; дѣла объ учрежденіи компаній на акціяхъ, когда при семъ испрашиваются изыятія изъ дѣствующихъ законовъ; дѣла, вносимыя на разсмотрѣніе Думы по особымъ Высочайшимъ повелѣніямъ.

Государственной Думѣ предоставляется весьма важное и существенное право — обращаться къ министрамъ и главноуправляющимъ отдѣльными частями, подчиненнымъ по закону Правительствующему Сенату, съ запросами по поводу такихъ, послѣдовавшихъ со стороны ихъ или подвѣдомственныхъ имъ лицъ и установленій, дѣйствій, кои представляются незаконными.

Право это въ извѣстной степени парализуется тѣмъ, что министры могутъ затягивать отвѣтъ на такіе запросы на цѣлый мѣсяцъ и даже совсѣмъ не давать отвѣтовъ по такимъ предметамъ. «Кои, по соображеніямъ государственнаго порядка, не подлежатъ оглашенію». Кромѣ того законъ ничего не говоритъ о томъ, чтобы министры, по адресу которыхъ народными представителями высказано недовѣріе, оставляли свой постъ, какъ это установлено въ западно-европейскихъ конституціяхъ. Такимъ образомъ, у насъ

въ недостаткамъ Коканда относится его нездоровый климатъ и бѣдность водою. Городъ получаетъ воду лишь искусственнымъ путемъ, изъ такъ-называемыхъ арыковъ, т. е. каналовъ, изъ которыхъ самый большой — «Кокандъ-Сай» — орошаетъ русскую часть. Климатъ Коканда дурно вліяетъ преимущественно на прѣзжихъ. Туземцы — здоровый, сильный народъ, и изъ болѣзней среди нихъ распространены лишь зобъ — странный, безобразный наростъ на шеѣ. Эта болѣзнь, къ слову сказать, почему-то представляетъ исключительно мѣстную особенность, специально-кокандское счастье.

Кокандъ ведетъ обширную торговлю и считается однимъ изъ самыхъ оживленныхъ городовъ Ферганской области.

все-таки даже и теперь не проведена отвѣтственность министровъ предъ народомъ.

Что касается основнаго устройства Думы (количество депутатовъ, продолжительность сессій и т. п.), то все это болѣе или менѣе уже извѣстно, и Манифестъ ничего особенно новаго въ эти основныя положенія не вноситъ. Депутаты (члены Думы) избираются на 5 лѣтъ, пользуются полною свободой сужденій по дѣламъ Думы и совершенно свободны отъ какого-либо отчета предъ своими избирателями. При вступленіи въ число членовъ Думы они даютъ торжественное обѣщаніе по слѣдующей, приводимой Манифестомъ, формулѣ:

«Мы, нижеподписавшіеся, обѣщаемъ предъ Всемогущимъ Богомъ исполнять возложенныя на насъ обязанности членовъ Государственной Думы по крайнему нашему разумію и силамъ, храни вѣрность Его Императорскому Величеству Государю Императору и Самодержцу Всероссийскому и памятуя лишь о благодѣиіи Россіи, въ удостовѣреніе чего своеручно подписуемся».

Таковы, въ общихъ чертахъ, тѣ положенія, которые положены Манифестомъ 20 февраля въ основу первой палаты нашего парламента, переработанной согласно завѣтамъ 17 октября.

О второй палатѣ, т. е. о реформированномъ Государственномъ Совѣтѣ, Манифестъ 20 февраля гласитъ слѣдующее:

Государственный Совѣтъ отнынѣ перестаетъ быть учрежденіемъ исключительно бюрократическимъ и становится (хотя, правда, лишь на половину), подобно Государственной Думѣ, выборною палатою.

Первая половина всего состава Государственного Совѣта отнынѣ будетъ состоять попрежнему изъ членовъ, назначаемыхъ Высшею властью, но зато другая половина явится уже собраніемъ представителей русской земли, свободно избранныхъ населеніемъ точно такъ же, какъ оно избираетъ членовъ Думы.

«Къ участію въ законодательной дѣятельности Государственного Совѣта, — говоритъ по этому поводу Манифестъ 20 февраля: — призываются, въ равномъ числѣ съ членами, присутствующими въ немъ по назначенію Намѣмъ, выборные члены отъ духовенства господствующей въ Россіи православной церкви, отъ дворянства и земства, а также представители науки, торговли и промышленности». Избираться они будутъ въ слѣдующемъ числѣ и на слѣдующихъ основаніяхъ:

Отъ духовенства Православной Россійской Церкви избираются Святейшимъ Синодомъ шесть членовъ Государственного Совѣта: трое изъ монашествующаго православнаго духовенства и трое изъ благаго православнаго духовенства. Каждое губернское земское собраніе избираетъ по одному члену Государственного Совѣта. Дворянскія общества избираютъ изъ своей среды, каждое, по два выборщика. Съѣздъ сихъ выборщиковъ собирается въ С.-Петербургѣ и выбираетъ, изъ своей среды, восемнадцать членовъ Государственного Совѣта. Императорская академія наукъ и каждый Императорскій российский университетъ избираютъ по три выборщика. Академія избираетъ ихъ изъ числа ординарныхъ академиковъ, а совѣтъ — каждого университета — изъ числа ординарныхъ его профессоровъ. Съѣздъ сихъ выборщиковъ собирается въ С.-Петербургѣ и выбираетъ, изъ своей среды, шесть членовъ Государственного Совѣта. Затѣмъ избираетъ выборщиковъ совѣтъ торговли и мануфактуръ (и его провинціальныя отдѣленія), биржевые комитеты, купеческія управы и пр. Съѣздъ этихъ выборщиковъ тоже собирается въ С.-Петербургѣ и избираетъ изъ своей среды двѣнадцать членовъ Государственного Совѣта, въ томъ числѣ шесть отъ промышленности и шесть отъ торговли.

Такимъ образомъ, избранію подлежатъ: 6 членовъ отъ православной церкви, 6 — отъ академій и университетовъ, 18 — отъ дворянскихъ обществъ, 12 — отъ представителей торговли и промышленности, 32 — отъ губерній земскихъ, 16 — отъ губерній неземскихъ (въ томъ числѣ и балтійскихъ) и 6 — отъ Царства Польскаго.

Выборные члены Государственного Совѣта избираются срокомъ на 9 лѣтъ. Выборы производятся закрытою баллотировкой.

Дѣйствія Государственного Совѣта по предложенію и выработкѣ новыхъ законовъ почти совершенно тѣ же, что и въ Государственной Думѣ.

Говоря о новомъ составѣ Государственного Совѣта, Манифестъ 20-го февраля гласитъ, между прочимъ, слѣдующее:

«Въ семъ обновленномъ составѣ Государственному Совѣту предоставляются въ дѣлахъ законодательства равныя съ Государственною Думою права».

А. П. Иващенко († 7 января с. г.).

Права эти, как мы уже отчасти знаем, заключаются в том, что Совет так же, как и Дума, предлагает законопроекты, делает запросы министрам и т. д. Связь же между Думою и Советом выражается тем, что «законодательные предложения рассматриваются в Государственной Думе и, по одобрении ею, поступают в Государственный Совет. Законодательные предложения, предназначенные по почину Государственного Совета, рассматриваются в Совете и, по одобрении им, поступают в Думу».

Законодательные предложения, одобренные и Советом, и Думой, представляются на Высочайшее усмотрение. Если же законопроект не будет принят Думою или Советом, то он признается отклоненным.

Такова устанавливаемая ныне у нас двухпалатная система. Отныне ни один указ, ни один изданный единоличным распоряжением министра циркуляр не будут иметь силы без внесения их на утверждение Думы и Государственного Совета. Этим будет положен конец бюрократическому произволу, а идею 17-го октября получить прочное основание.

Исцеление дочери Иаира. (Рис. на стр. 148).

«И вот приходит один из начальников синагоги, по имени Иаир, и, увидев Его, падает к ногам Его и усиленно просит Его: «Дочь моя при смерти! Приди и возложи на нее руки, чтобы она выздоровела и осталась жива».

«Приходит он в дом начальника синагоги, и видит смятение и плачущих и вопиющих громко, и, вошедши, говорит им: «Что смущаетесь и плачете? Девочка не умерла, но спит». Эти евангельские слова воплощены художником де-Вриеном в превосходную, полную жизни и движения, картину. Евангельское событие, хорошо знакомое всем нам с детства, оживает в ней и получает яркие черты, благодаря умению художника изобразить его во всей его житейской обстановке.

Чудесный Гость. (Рис. на стр. 149).

Картина немецкого художника Фрица Удэ, «Чудесный Гость», способна вызвать у зрителей некоторое недоумение: мы видим

Новый статс-секретарь великого княжества Финляндского, генерал-лейтенант А. Ф. Лангоф и новый комендант г. Петербурга, генерал-майор В. И. Троцкий.

на ней Христа в современной обстановке, в семье бедняка — немецкого рабочего.

Нужно изумиться в смысле этой оригинальной картины, и тогда она поразит нас своим глубоким содержанием. В самом деле, что-то странного в том, что Христос доныне живет среди тех людей, которые взирают на Него? Внутренний вдохновенный взор художника воочию увидит именно то, что другие ясно видят сердцем.

Фр. Удэ прославился подобными картинами. В течение первых лет своей художественной карьеры он занимался чисто жанровою живописью, но потом перешел к религиозным сюжетам, при чем стал их изображать не традиционными способами, не с установившимися типами лиц и фигур, не в исторической обстановке, а в сценах, происходящих как-бы в наши дни среди немцев, в простонародном их быту. Произведения эти, написанные с большим художественным темпераментом и теплым религиозным чувством, доставили Удэ громкую известность и породили много последователей его оригинального таланта. Многие картины Удэ находятся в частных коллекциях германских музеев и картинных галереях. Так, например, воспроизводимая нами картина «Чудесный Гость» составляет собственность берлинской национальной галереи.

В последнее время Удэ, однако, снова перешел к современному жанру. Но последние его произведения далеко уже не пользуются такою популярностью, как его религиозные картины.

«Христианский мученик».

(Рис. на стр. 152).

Кто из нас не знаком с трагическими и великими в своей трагической простоте легендами первых лет христианства? Кто из нас не читал о мучениках Колшес, о тех изумительных героях, которые с радостью шли на пыльные, непонятные нашему воображению, мучения? Эффектная картина художника А. Вагнера изображает нас одного из таких мучеников, тысячи погибавших во времена римских цезарей на арене огромного цирка. Одним из употребительнейших мучений было, как известно, затравливание зверями на потеху зрителям. Характерно то, что звери (львы, тигры, пантеры, привозимые специально для этого из Африки) бывали иной раз гораздо благороднее людей и нередко отказывались терзать беззащитных мучеников варварской развращенной толпы. Тогда толпа приходила в неистовство и заставляла раздражать зверей огнем и ударами бича... А когда, наконец, проливалась кровь человеческая, и резкий запах ее беспокоил публику, служители наливали духи в огромные каменные вазы и зажигали благовония. Вазы эти доныне уцелели в Колшес.

А. П. Иващенко. (Портр. на этой стр.).

7-го января скончался один из видных наших государственных деятелей, член Государственного Совета, Анатолий Павлович Иващенко.

Покойный был известен преимущественно в ведомстве государственного контроля и в железнодорожных сферах. По окончании в 1862 году курса в с.-петербургском университете по юридическому факультету, А. П. Иващенко поступил на службу в государственный контроль. Спустя десять лет, т. е. в 1872 г., он был уже вице-директором канцелярии контроля. После русско-турецкой войны на покойного была возложена трудная задача проверить отчетность действовавшей армии. Огромное количество счетов, расписок, миллионы цифр — вот с чем пришлось бороться тогда А. П. Иващенко, назначенному председателем специально на этот предмет организованной комиссии.

Разобравшись вникательно в этот цифровой наслідок, которое оставила война, А. П. Иващенко был затем назначен на должность генерал-контролера департамента военной и морской отчетности.

В 1892 г. покойный занял пост товарища министра путей сообщения и стал деятельным сотрудником министра — С. Ю. Витте, а когда С. Ю. Витте перешел на должность министра финансов, А. П. Иващенко перешел вместе с ним в то же ведомство и опять-таки продолжал быть товарищем министра.

Позднее А. П. Иващенко занял должность товарища государственного контролера и вместе с тем был назначен членом Государственного Совета. В последнее же время, оставив

Новый петербургский градоначальник, генерал - майор В. Ф. фон - дер - Лауниц.

государственный контроль, он председательствовал в комиссии по выяснению причин бездорожья казенных железных дорог.

Покойный, между прочим, известен тем, что организовал железнодорожный контроль. В его лице скончался, во всяком случае, умный и энергичный деятель, совершивший много полезного и существенного в той сфере, в которой он провел свою трудовую жизнь.

Первый в мире женский политехнический институт.

(С 2 рис. на этой стр.).

В начале нынешнего года Петербург обогатился еще одним высшим женским учебным заведением: 15-го января состоялось открытие «женского политехнического института».

Женское техническое образование — предмет совершенно новый не только в России, но и в Европе. До сих пор женщинам удавалось проникнуть лишь в сферу педагогики и медицины; юриспруденция и область прикладной техники оставались для них закрытыми. Но если женщины-адвокаты все еще редки и теперь, то женщины-технологи, женщины-архитекторы, несомненно, в скором времени у нас будут. Открытие женского

политехникума — важная и блестящая победа нашего русского феминизма.

Честь создания этого политехникума всецело принадлежит известной деятельности в области женского профессионального образования, г-же П. Н. Ариной. Политехникум возник по ее идеи и обязан своим возникновением ее героическим хлопотам и ее неутомимой творческой деятельности.

Идея эта явилась у нее еще в 1902 году и была принята в технических кругах, воплоти сочувственно. Г-же Ариной удалось привлечь на свою сторону таких известных людей, как проф. П. А. Бяколюбий, проф. В. И. Курдюмов, Г. А. Небольсин и др. Оставалось добыть средства и официальное разрешение на открытие института. Для первой цели г-жа Арина основала «общество изыскания средств для технического образования женщин», которое и нашло, благодаря поддержке частных лиц, необходимые суммы. Второй цели было гораздо труднее достичь, но в конце концов неутомимой П. Н. Ариной удалось добиться и разрешения открыть институт.

Быть может в одном из домов Загородного проспекта целый этаж, содержащий 4 отдельных квартиры. Все эти квартиры были соединены в одно общее, довольно обширное

Первый в мире женский политехнический институт. Дом, в котором помещается институт.

Первый в мире женский политехнический институт. Преподавательский персонал и лица, принимавшие участие в учреждении института.

Князь Г. Е. Львовъ, пред-
датель тульской губернской
земской управы.

лий циклъ техническихъ наукъ—и архитектура, и железнодорожное строительство, и электротехника, и химия. Курсъ прохождения наукъ—четырёхлѣтний. Профессорами института состоятъ преподаватели почти всѣхъ столич-
ныхъ специальныхъ учебныхъ заведений. Въ ихъ числѣ мы встречаемъ имена Н. Л. Шуккина, Байкова, Шателена и др.

Несмотря на довольно высокую плату (100 р.), институтъ сразу привлёкъ максимальное количество учащихся. Въ настоящее время въ институтѣ занимаются 209 «политехничекъ», и нужно имъ отдать справедливость — работаютъ онѣ на рѣдкость усердно. Приходится даже умѣрять ихъ усердіе, такъ какъ онѣ готовы сидѣть за работой до поздней ночи, что слишкомъ тяжело отзывается на прислугѣ. Работы представляются всегда во-время, чертежи отличаются блестящимъ исполненіемъ. Характерно то, что въ настоящее время политехнический институтъ является единственнымъ высшимъ учебнымъ заведеніемъ, гдѣ идутъ занятія.

Такимъ образомъ, для русской женщины открылось новое поприще. Потребность въ немъ, несомнѣнно, нагрѣла огромная: это ясно доказывается хотя бы уже тѣмъ рвеніемъ, какое проявляютъ къ своей новой работѣ слушательницы института, и переполненіемъ его учащихся.

Къ сожалѣнію, институтъ до сихъ поръ еще не имѣетъ прочнаго

помѣщеніе и приспособленны для учебныхъ занятій. Среди нихъ въ настоящее время имѣется одна обшая, очень просторная аудиторія и рядъ чертежныхъ комнатъ. Въ будущемъ предполагено расширить это первоначальное помѣщеніе и устроить лабораторію, кабинеты и т. п.

Программа женскаго политехническаго института заслуживаетъ особаго вниманія: она, прямо, поражаетъ своей разносторонностью и богатствомъ. Институтъ расчленяется на два главныхъ отдѣленія—инженерно-строительное и электро-химическое, по въ этихъ двухъ отдѣленіяхъ заключается цѣ-

лостественнаго фонда. Будучи основанъ исключительно на частныхъ средствахъ, онъ и теперь во многомъ зависитъ отъ воли и доброго желанія частныхъ лицъ. Средства института не велики, а между тѣмъ дальнѣйшее развитіе его потребуетъ многочисленныхъ расходовъ. Надо надѣяться, что наше общество въ нужную минуту не откажется въ помощи этому исключительно симпатичному и полезному для насъ учебному заведенію.

Голодъ въ Тульской губерніи.

(Съ 2 рис. на этой страницѣ).

Тульская губернія—одна изъ наиболѣ пострадавшихъ отъ неурожаа нынѣшняго года. Въ 7 черноземныхъ уѣздахъ не было дождей до конца іюня и не родилось ни ржи, ни овса, ни травъ. Много затѣхъ повредила и необычайно дождливая осень, стубившая небольшие запасы соломы и кормовъ. Правительство приняло на помощь населенію своевременно и въ широкихъ размѣрахъ. Оно отпустило болѣе 7 милліоновъ на обсеменение полей и продовольственные ссуды, не говоря уже объ отпускѣ на общественныя работы, на оборотныя средства для организаціи удешевленной продажи хлѣба и кормовъ и т. п. По продовольственному уставу ссуды выдаются только земельнымъ, кредитоспособнымъ, и онѣ не

Помощь голодающимъ въ Тульской губерніи. Раздача горячей пищи.

могутъ покрыть всѣхъ нужды, вызванныхъ неурожаемъ. Нужды эти неисчислимы, и пища не можетъ обойтись безъ помощи частнаго и общественнаго благотворенія.

Въ Тульской губерніи благотворительная помощь обезпечивается, главнымъ образомъ, средствами общеземской организаціи. По смѣтѣ тульскаго комитета, ему ассигновано на весь годъ, до будущаго урожая, 335.000 руб.

Въ уѣздахъ организованы поспѣлительныя и комитеты, въ распоряженіе которыхъ и направляются пожертвованія на удовлетвореніе потребностей, заранѣе установленныхъ изслѣдованіями и опредѣленными смѣтами комитетовъ.

Въ настоящее время организованы слѣдующіе виды помощи. Открыто 684 школы-

Помощь голодающимъ въ Тульской губерніи. Раздача молока дѣтямъ.

ных столовых, въ которыхъ кормятся около 50.000 дѣтей. При нихъ во многихъ мѣстахъ питаются и дѣти до-школьного возраста. Для малолѣтнихъ дѣтей отъ 1 года до 5-лѣтняго возраста устраиваются особыя разныя молока и выдаются крупы и каша. Устроено 48 пекаренъ съ продажей по удешевленной цѣнѣ и съ даровой раздачей печеного хлѣба. Открыто 16 эпидемическихъ больницъ, снаряженныхъ и высланныхъ Краснымъ Крестомъ, по 20 кроватей каждая. Организовано снабженіе населенія топливомъ по удешевленной цѣнѣ и даровой раздачей. По 1 января на топлино израсходовано благотворительныхъ средствъ 27.155 руб. и предстоитъ израсходовать по снѣгѣ до весны 17.650 руб. Организовано снабженіе захудалыхъ дворовъ сѣномъ по удешевленной цѣнѣ и даровой раздачей приблизительно въ тѣхъ же размѣрахъ, какъ и снабженіе топливомъ.

Снѣгъ благотворительной помощи составленъ въ зависимости отъ средствъ и, очевидно, всей многообразной нужды покрытъ имъ нельзя. Море нищеты требуетъ безконечныхъ средствъ. Но есть острѣе потребности, оставивъ которыя безъ удовлетворенія совершенно невозможно. На нихъ средства должны найтись во что бы то ни стало. Къ такимъ потребностямъ относится подкормка малолѣтнихъ дѣтей. По снѣгѣ на нихъ предположено потратить всего 10 тыс. руб. Теперь кормятся около 4 тыс. малолѣтнихъ, тогда какъ ихъ надо считать десятками тысячъ. Денегъ на это нѣтъ, и расширить помощь нельзя. Между тѣмъ тамъ, гдѣ раздаются молоко и каша, дѣти прямо вырываются изъ рукъ смерти. Весной и въ нормальные годы заботливостью и смертность дѣтей увеличивается, а въ голодные годы—въ особенности. Въ 1891-й голодный годъ смертность превысила рождаемость, и прироста населенія не было. Мы обязаны предотвратить это. На это не нужно громадныхъ средствъ, и частная благотворительность можетъ взять на себя участь малолѣтнихъ. Мы увѣрены, что элементарное нравственное чувство общественной жалости къ малышъ снѣгъ спасетъ ихъ. Прошу направлять пожертвованія по адресу: Тула. Князю Львову.

Опасность всевропейской войны.

(Политическое обозрѣніе).

Мирные переговоры въ Алжирѣ, предпринятые въ видахъ предупрежденія войны между Германіей и Франціей, превратились въ средства успокоенія Европы въ истинныхъ все возрастающихъ тревогахъ. Часто самими враждующими сторонами сравнительно легче столкнуться другъ съ другомъ въ интимной бесѣдѣ глазъ-на-глазъ, чѣмъ при любезномъ посредничествѣ нѣлаго всевышняго трибунала, который призванъ, собственно говоря, не судить, а только умиротворять. Исполно умиротворяющая миссія алжирской конференціи оказалась осуществленной всего хуже, и теперь то и дѣло появляются успокоительныя телеграммы изъ Парижа, Берлина и Лондона, что положеніе совсѣмъ не такъ уже плохо, какъ можно судить по ходу примирительныхъ переговоровъ въ Алжирѣ.

Оно, дѣйствительно, вовсе не безнадежно, такъ какъ ни для Франціи, ни для Германіи то или иное разрѣшеніе марокканскаго вопроса вовсе не является вопросомъ жизни или смерти, а между тѣмъ война съ могущественной Германіей ставитъ на карту самое существованіе Франціи, точно такъ же, какъ война съ Франціей и Англіей ставитъ на карту все могущество Германіи. Реализъ такъ страшенъ, что самый азартный игрокъ не рѣшается ставить на карту такую огромную ставку. Подъ личиной суровой воинственности, которую надѣваютъ на себя германскіе дипломаты, чувствуется въ сущности довольно спокойное и миролюбивое настроеніе. Ихъ хмурый видъ—только козырный приемъ того-такого дипломатическаго торга. Всѣ пяти игры находятся въ рукахъ у вели-

чайшаго современнаго дипломата—императора Вильгельма II, чья роль въ высшей степени хладнокровнаго и миролюбиваго. Его рѣшающая роль въ европейскомъ концертѣ сама по себѣ является вѣрнѣйшимъ залогомъ мира, но крайней мѣрѣ, насколько миръ нуженъ въ интересахъ Германіи. Уже по одному этому облакъ, периодически заволакивающий европейскій политическій горизонтъ, отподъ не слѣдуетъ принимать за грозовую тучу: нѣтъ, это только легкія весеннія, перистыя облачка, которыя красивымъ кружевнымъ узоромъ проносятся по голубому небу, не угрожая бѣднымъ жителямъ земли ни однимъ грозовымъ ударомъ. Правда, дипломатическая обструкция представителя Германіи на алжирской конференціи приводитъ послѣднюю къ нулю, но изъ-за вопроса о томъ или иномъ устройствѣ полиціи въ Марокко,—по которому Германія осталась совершенно изолированной, поддержанной только Австріей, которая теперь сама нуждается въ поддержкѣ,—едва ли талантливый ученикъ князя Бисмарка рискнетъ костюмироваться въ одного померанскаго гренадера. Напротивъ того, рядомъ съ воинственной неуступчивостью насчетъ марокканскихъ полициево-и германскія газеты, и германскіе дипломаты настойчиво заговариваютъ о необходимости созданія новыхъ международныхъ комбинацій, о сближеніи Германіи съ враждебнымъ ей англо-французскимъ союзомъ для благополучнаго устройства всеевропейскихъ дѣлъ въ азиатской Турціи. Такимъ образомъ, непримиримая защита правъ марокканскаго султана не носитъ ли въ сущности характера вымогательства невозможныхъ уступокъ въ пользу Германіи въ турецкой Малой Азіи, гдѣ предпринимавшіе нѣмцы уже затѣяли большія дѣла съ постройкой багдадской линіи желѣзныхъ дорогъ?

Разумѣется, за вѣрность и прочность мира ручаться по нѣмцыишь временамъ ни въ какомъ случаѣ нельзя: въ этомъ смыслѣ мы «всѣмъ поди Богомъ ходимъ», притомъ не Богомъ христіанскимъ, а языческимъ, именнымъ въ греческой мифологіи Марсомъ. Хотя дѣловая Европа полна трепета и ожиданія грозы и даже приурочиваетъ войну между Германіей и Франціей къ началу весны, тѣмъ не менѣе всѣ данныя говорятъ за сохраненіе мира, по крайней мѣрѣ въ ближайшіе мѣсяцы. Русскій представитель графъ Кассини выражаетъ оптимистическую увѣренность въ благополучномъ окончаніи конференціи, но еслибы даже конференція и разошлась, не достигнувъ соглашенія, это вовсе не означало бы немедленнаго наступленія германской арміи на Богзю. Самый опасный симптомъ съ точки зрѣнія прочности европейскаго мира это—временное ослабленіе Россіи, престижъ которой подорванъ неудачной японской войной и внутренними смутами. Въмѣстѣ съ Россіей ослабъ тотъ противобѣдъ германскому могуществу, въ образъ франко-русскаго союза, который представлялъ собою олицетвореніе европейскаго равновѣсія; но на снѣгу снѣгу возмисло англо-французское сближеніе, а военное столкновеніе съ Англіей грозитъ немедленной гибелью всему молодому германскому флоту, т. е. утратой всей морской торговли и африканскихъ колоній. Императоръ Вильгельмъ можетъ начать войну только съ вѣрнымъ расчетомъ на побѣду, а въ настоящій моментъ у него не можетъ быть полной увѣренности въ успѣхѣ. Хотя мобилизаціонный планъ разработанъ германскимъ генеральнымъ штабомъ съ идеальнымъ совершенствомъ, а безпобѣдная милитаризація германскихъ желѣзныхъ дорогъ, принадлежащихъ государству, даетъ колоссальныя преимущества перваго наступленія, тѣмъ не менѣе матеріальная часть германской арміи, въ особенности же артиллерійское вооруженіе, въ настоящее время значительно уступаетъ французской. Можно заранѣе быть увѣреннымъ, что, пока Германія не закончитъ перевооруженія своей артиллеріи новыми скорострѣльными орудіями, обращеніе съ которыми требуетъ большого навыка и долго-временной выучки,—до тѣхъ поръ европейскій миръ не будетъ нарушенъ.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Во избѣжаніе остановки въ высылкѣ № журналовъ, Контора «Нивы» проситъ гг. подписчиковъ, не внесшихъ полной годовой платы за 1906 г., озаботиться своевременными взносами подписныхъ денегъ, согласно условіямъ разсрочки.—Гг. иногородніе подписчики при высылкѣ денегъ благоволятъ обозначать на видномъ мѣстѣ № печатнаго адреса съ бандероли, или прилагать самый адресъ.

Содержаніе.

Т Е Н С Т Ъ: На томъ берегу. Непелла нашихъ дней. П. П. Гнѣдича. (Продолженіе).—къ 30-лѣтію присоединенія Кокандскаго ханства.—Государственная Дума и Государственный Совѣтъ.—Исцѣленіе дочери Іаира.—Чудесный Гость.—Христіанскій мученикъ.—А. П. Иващенко.—Женскій политическій институтъ.—Голодъ въ Тульской губерніи.—Опасность всевропейской войны. (Политическое обозрѣніе).—Заявленіе.—Объявленіе.

Р И С У Н К И: Предвѣщаніе Младенцевъ.—Исцѣленіе дочери Іаира.—Чудесный Гость.—Христіанскій мученикъ.—къ 30-лѣтію присоединенія Кокандскаго ханства. Виды мѣстности и типы населенія. 1) Городовая въ туземномъ Кокандѣ. 2) Видъ на часть города съ вершинами одной изъ мечетей. 3) Ферганскій сартъ, больной зубомъ, характерной болѣзью Коканда. 4) Улица въ туземномъ городѣ. 5) Русско-туземная школа. 6) Уголокъ въ туземномъ городѣ. 7) Дервишъ. 8) Туземная арба. 9) Хлопкоочистительный заводъ. 10) Башня на дворѣ „Джума-мечети“, съ вершинами которой въ деспотическія времена ханы бросали женщинъ, уличенныхъ въ прелюбодѣянн. 11) Сарты на молитвѣ. 12) Чайханѣ (чайная). 13) Розенбаховскій проспектъ. 14) Вокзалъ. 15) Сартенокъ.—А. П. Иващенко.—Новый петербургскій градоначальникъ, ген.-майоръ В. Ф. Фонъ-дѣръ-Лауницъ.—Новый статсъ-секретарь великаго княжества Финляндскаго, генералъ-лейтенантъ А. Ф. Лангофъ и новый командантъ г. С.-Петербурга, генералъ-майоръ В. І. Троцкий.—Первый въ мірѣ женскій политехнический институтъ. 1) Домъ, въ которомъ помѣщается институтъ. 2) Преподавательскій персоналъ и лица, принимавшія участіе въ учрежденіи института.—Князь Г. Е. Львовъ, предсѣдатель Тульской губернской земской управы.—Помощь голодающимъ въ Тульской губерніи. 1) Раздача горящей пищи. 2) Раздача молока дѣтямъ.

Нѣ этому № прилагается: „Полнаго собранія сочиненій М. Е. Салтыкова-Щедрина“ книга 15.

